

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

ТЕОРИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволила впервые провести системный анализ дискурсивного пространства различных эпох русской рок-культуры, определить основные принципы его формирования и трансформаций, уточнить или описать по-новому механизмы порождения синтетического песенного текста, специфику его субтекстуальной структуры, предложить оригинальную лингвокультурологическую методику анализа синтетической языковой личности и ее когнитивно-прагматической программы, перспективную для дальнейших исследований. Однако сама теория применима и к разноплановым случаям нестандартной дискурсивности, связанной с текстом или автором: от программного авангардного выхода за пределы текста в жизнь до автобиографического мифа художника-жизнетворца.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 1. С. 92-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.1; 008:361

Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволила впервые провести системный анализ дискурсивного пространства различных эпох русской рок-культуры, определить основные принципы его формирования и трансформаций, уточнить или описать по-новому механизмы порождения синтетического песенного текста, специфику его субтекстуальной структуры, предложить оригинальную лингвокультурологическую методiku анализа синтетической языковой личности и ее когнитивно-прагматической программы, перспективную для дальнейших исследований. Однако сама теория применима и к разноплановым случаям нестандартной дискурсивности, связанной с текстом или автором: от программного авангардного выхода за пределы текста в жизнь до автобиографического мифа художника-жизнетворца.

Ключевые слова и фразы: нестандартная дискурсивность; семиотическая зона; синтетический текст; синтетическая языковая личность; когнитивно-прагматическая программа; интерпретация.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент

Гуандунский университет международных исследований, Китайская народная республика

Ивановский государственный университет

Ivanb10@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н.

Ивановский государственный университет

lakomotion@yandex.ru

ТЕОРИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Созданная Д. И. Ивановым теория синтетической языковой личности [2] возникла из ощущения и осознания «нескольких необходимостей».

Первая – многолетнее изучение рок-культуры показало явную недостаточность как филологического, так и любого другого частнодисциплинарного подхода к «синтетическому тексту» рока. Поскольку рок-произведение возникает и реализуется в неразрывном единстве поэзии, мелодии, музыкального ритма, вокала, фактора аудитории, сценического поведения и т.п., рок-текст закономерно мыслится как синтетический. Такой текст не может быть адекватно понят и изучен в узких дисциплинарных рамках; более того, сама его сущностная природа и конфигурация не могут стать предметом изучения частных научных дисциплин. Вторая необходимость, также проявившаяся как следствие особой природы объекта изучения, привела к методологической рефлексии более общих дисциплинарных координат, в рамках которых исследование рок-культуры становится более адекватным самому феномену. Третья, возникшая в процессе работы, – необходимость новой, современной (соответствующей глубокому культурологическому пониманию/объяснению) конфигурации семиотических, социокультурных и когнитивных знаний и инструментов анализа в рамках широко понимаемого культурологического подхода. Так была определена в качестве базовой науки лингвокультурология (двойная ориентация которой – и на язык, и на человека в культуре – актуализирует междисциплинарные связи и позволяет проводить качественно новый комплексный анализ различных аспектов и срезов внутреннего взаимовлияния языка, личности и культуры), которая сама, однако, подверглась авторской интерпретации в процессе исследования: была активно задействована семиотика культуры и переосмыслено понятие «языковая личность» – с целью избавить это чрезвычайно продуктивное понятие от дисциплинарной (лингвистической) узости и привлечь его к анализу различных нелингвистических семиотических дискурсивных зон (музыкальных, имиджевых, артикуляционных и некоторых других), активизация, функционирование и развитие которых определяется свойствами и когнитивно-прагматическими особенностями языкового сознания личности.

Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволила впервые провести системный анализ дискурсивного пространства различных эпох русской рок-культуры, определить основные принципы его формирования и трансформаций, уточнить или описать по-новому механизмы порождения синтетического песенного текста, специфику его субтекстуальной структуры, предложить оригинальную лингвокультурологическую методiku анализа синтетической языковой личности, перспективную для дальнейших исследований. Особый, пограничный характер материала исследования привел к перспективной актуализации понятия «языковая личность», открыл дорогу к описанию общей абстрактной модели синтетической языковой личности и конкретных ее разновидностей. Однако довольно быстро стало ясно, что перспективы данного подхода не сводятся к задачам описания конкретного, пусть и масштабного объекта, но позволяют взглянуть под иным углом на, казалось бы, привычное и традиционное.

Если одного из авторов, Д. И. Иванова, подвигла к теоретико-методологической рефлексии практика исследователя рок-культуры, то второй, Д. Л. Лакербай, исходил скорее из теоретико-методологического кризиса («застоя») в литературоведении последних десятилетий, метафорически названного в дискуссии на страницах «НЛО» «осенью филологии» [3]. В одном из выступлений было сказано с предельной четкостью о готовности исследователей работать исключительно в рамках уже освоенного, подбирая и тасуя методологии в угоду «методологическому рынку»: «Понятая таким образом, методологическая грамотность любопытным образом исключает <...> какие бы то ни было *собственные* методологические изыски. *Выработка и разработка* собственных методов и теорий напроць вытесняются *выбором* уже сделанного <...> Насколько продуктивна

такая позиция? С институциональной точки зрения она мне кажется самоубийственной» [9]. Если добавить к этому влиятельный постструктуралистский скепсис относительно теории, то ситуацию никак нельзя назвать приемлемой. Думается, что рефлексия междисциплинарных подходов является одним из возможных путей решения проблемы. Подобно тому, как в лингвистической традиции привычным стал анализ художественного текста (сначала в рамках художественной стилистики, а сейчас и с т.з. лингвоперсонологии и лингвоконцептологии), литературоведам пора «встречным курсом» осмыслить новую карту более чем родственной им лингвистики, упрочившей свои связи с другими гуманитарными науками и обозначившей общие приоритеты в рамках антропоцентрического подхода к языку и культуре.

Прямые перспективы теории синтетической языковой личности просматриваются достаточно хорошо. Гетерогенность дискурса позволяет выделить в нем различные когнитивно-прагматические зоны, и синтетическая языковая личность (СЯЛ) может одновременно рассматриваться как фрагмент дискурсивной личности и как самостоятельная когнитивно-прагматическая система, функционирующая в пространстве дискурса. Она формируется, развивается и функционирует в пространстве синтетических текстов разных типов (песенный текст, рок-текст, кинотекст, театральный текст, рекламный текст, различные ритуальные тексты и т.д.), каждый из которых генерирует особый тип синтетической языковой личности. Применительно к «полю литературы» (используем социологический термин П. Бурдьё [1]) это означает, что везде, где акцентируется сколь угодно нестандартная дискурсивная ситуация, связанная с текстом или автором, мы вправе применить вышеописанную методику, подкрепляя данные социологии литературы и семиотики культуры (при всей своей разработанности ориентированных на типичное, а не индивидуально-стилевое) новой лингвокультурологической характеристикой субъекта (индивидуального или коллективного) по-новому понимаемого текста. Очевидно, например, что авангардная традиция, особенно в исторических точках конфликтных манифестаций (например, первые годы футуризма или послереволюционное «жизнестроительство»), «синтетична» по определению: как «Черный квадрат» К. Малевича семантически находится далеко за пределами материально понимаемого языка изобразительного искусства, так и когнитивно-прагматическая программа «Дыр бул щыл» А. Крученых [5, с. 55] или «Стихов о советском паспорте» В. Маяковского [7, с. 68-71] никак не может быть оформлена и реализована исключительно в вербальной семиотической (дискурсивной) зоне. Подключая различные способы истолкования (историко-культурный и контекстуальный анализ, мифопоэтику и т.п.) без четкого обоснования их единства (что, вообще говоря, следует из самой природы художественного произведения как эстетического объекта, а не только материала для исследовательских манипуляций), мы рискуем исказить природу изучаемой реальности. В подобных случаях нередко выручают чутье и эрудиция исследователя – но для научного познания такое утешение является недостаточным. Поэтому во всех явных случаях нестандартной дискурсивности, будь то, например, «квартирный» или «стадионный» формат поэтического слова, феномен «потаенного» писателя (разные виды «несовпадения» с эпохой) и т.п., теория синтетической языковой личности, по нашему мнению, является хорошим «организатором понимания», позволяющим систематизировать то, что не укладывается в собственно филологические рамки, отчасти решить, говоря языком формалистов, проблему «внелитературного ряда». Несколько слов также стоит сказать и о скрытых (дальних) перспективах.

Наличие в теории СЯЛ ассоциативно-интерпретационного уровня означает, что синтетический текст по-настоящему живет в контакте со своей аудиторией, что субъект-источник синтетического текста в рамках своей когнитивно-прагматической программы (КПП) стремится так или иначе задать тип интерпретации, но субъект-интерпретатор в соучастии или «борьбе» с этим воздействием превращает данный процесс в вероятностный. Мы встречаемся с новым типологическим описанием старой проблемы филологии – характеристики и оценки интерпретации, и интерпретация здесь определенным образом, через КПП СЯЛ, заложена в структуру текста, продолженного за пределы вербальности. Интерпретация, в нашем понимании, есть явление дискурсивное [6], и очень ясно это видно как раз в ситуациях нестандартной или несовпадающей (автора и интерпретатора) дискурсивности. Если у интерпретатора-исследователя, к примеру, есть неприятие или непонимание реализованной в тексте КПП, возникает, как мы это называем, «программная ошибка» интерпретации, дискурсивная подмена, одной из причин которой вполне может являться скрытая синтетичность текста. Именно так Ю. Н. Тынянов в блестящей статье «Промежуток» (1924) [8] произвел «научное уничтожение» Есенина.

Прежде всего критик отказывает поэту в новизне и самостоятельности, оставляя ему «примитивно понятого через Клюева Блока» и «необычайно живучую» эмоциональную силу: «Все поэтическое дело Есенина – это непрерывное искание украшений для этой голой эмоции. Сначала церковнославянизмы, старательно выдержанный деревенский налет и столь же традиционный “мужицкий Христос”; потом – бранные слова из практики имажинистов, которые были таким же, в сущности, украшением для есенинской эмоции, как и церковнославянизмы» [Там же, с. 170]. Поскольку искусство, опирающееся на эмоцию, тесно связано с личностью, Тынянов отмечает, что «литературная, стиховая личность Есенина раздулась до пределов иллюзии. Читатель относится к его стихам как к документам, как к письму, полученному по почте от Есенина» [Там же, с. 171]. Указывая на «глубокую литературность» этой самой «литературной личности» («порою кажется, что это необычайно схематизированный, ухушенный Блок, пародированный Пушкин; даже собачонка у деревенских ворот лает на Есенина по-байроновски» [Там же]), Тынянов выносит своеобразный приговор: «личность» сыграла последний акт, «скандалист» покаялся в «скандалах», драматическое напряжение ослабело, и обнаружили банальность и хрестоматийность. Позволительная «эмоциональному поэту» тяга к «захватанным» словам («Слова захватанные, именно потому что захватаны, потому что стали ежеминутными, необычайно сильно действуют. Отсюда – притягательная сила цыганщины. Отсюда – банальности Полонского, Анненского, Случевского,

апухтинское завыванье у Блока» [Там же]) не спасает, потому что, согласно Тынянову, Есенин переходит на самые стертые традиции, самые общие места, когда «банальность слишком эпична», «интонация лжет» и т.п.

У А. Компаньона есть точное замечание относительно французской теории литературы 1960-х: «Формализм и марксизм были двумя ее опорами, позволявшими исследовать литературные инварианты или универсалии, рассматривая индивидуальные произведения не как реальные, а как возможные, которые всего лишь экземплифицируют собой глубинную систему литературы и при этом позволяют добраться до этой структуры удобнее, чем произведения не-актуальные, только потенциальные» [4, с. 17]. Тынянов и занимается этим – не потому, что формалист, а потому что теоретик как таковой, не критик в традиционном отечественном понимании. Русский формализм исторически – грандиозное открытие именно такого, сугубо теоретического способа изучать литературу («показывая код и конвенциональность там, где не-теория постулировала природность» [Там же, с. 28]). Тыняновская интерпретация Есенина – яркая одновременная демонстрация достоинств и недостатков метода, резко манифестированная граница его. Современный теоретик признается в том, что теория, будучи по определению в конфликте со «здравым смыслом», историей и пр., не может одержать победу, поскольку не обладает полной истины и «не в силах уничтожить во мне читателя» [Там же, с. 300]. У Тынянова же в случае с Есениным мы наблюдаем «научное уничтожение читателя» – ведь речь, напомним, идет об условно «позднем» Есенине, отрицать «художественное качество» которого весьма непросто.

По герменевтическим правилам, разбираться надо и в собственном неприятии тыняновской оценки. Так, по крайней мере, один из авторов (Д. Л. Лакербай) не является большим поклонником Есенина, однако не раз сталкивался с покровительственно-пренебрежительным отношением к «любимому поэту массы» со стороны «образованной общественности». Как свидетельствует опыт общения с коллегами, линия неприятия разграничивает условные области «массового, банального» и «культурного, инновационного» (относительно Тынянова сознательно упрощаем – теоретик блестяще работал с массовыми тенденциями, но сейчас речь о вкусах). Сами по себе цитируемые Тыняновым строки из «Возвращения на родину» действительно усредненно-банальны – но только если воспринимать есенинский стиль как «голую эмоцию», увешанную побрякушками в виде тропов и т.п., а стиховой смысл – как конструкцию значений когнитивного уровня, а не область «распредмечивания смысла», включающую в себя авторскую «мифологику», символику в ее личностных и национальных глубинах, различные «актуальные контексты» и многое другое, – словом, тот космос представлений, который «потенциален» при чтении данного текста. Потенциален, разумеется, – и тут Тынянов точен – в единстве с «литературной личностью» (с ее «автобиографическим мифом»), которую нельзя, однако, просто взять и изъять лабораторным путем из явления Поэта. Это «лабораторное изъятие» приводит к тому, что «стих Маяковского – энергия мускульных волей», но разве в этом суть Маяковского? Отказ от такого изъятия куда продуктивнее – субъективнейшие по пафосу «Охранная грамота» Б. Пастернака (1931) и «О поколении, растратившем своих поэтов» Р. Якобсона (1930) тому неоспоримый пример. Если же блестящий филолог *отказывается* от Поэта и его Слова, *не слышит* запредельного трагизма в этой действительно усталой, как будто «пришибленной», банальности «Возвращения на родину», – возникает «программная» научная аберрация, подлинная причина которой – отказ видеть и воспринимать синтетичность явления Поэта и его текста, невозможность свести текст к понятной конструкции. Явным образом есенинское – мифопоэтическое и «хулиганское», с «нежностью грустной русской души» и трагическими разломами национального космоса – жизнетворчество оказывается неотъемлемой частью его языковой личности, но в значительной мере ЗА отдельным вербальным текстом, в пространстве дискурсии. Поэтому можно говорить, что – по крайней мере в масштабе есенинского «сверхтекста» – подлинное понимание и интерпретация зависят от того, как именно исследователь понимает есенинский текст – как чисто вербальный (и тогда к читателю можно относиться с филологическим пренебрежением) или как «синтетический». Во втором случае открывается возможность вполне научной дескрипции: анализ когнитивно-прагматической программы синтетической языковой личности (и ее реализации в историко-культурной ситуации) наглядно покажет и свяжет воедино всё то, что методологически «уничтожил» Ю. Н. Тынянов. В конце концов, многие из нас – несмотря на снисходительное «методологическое» отношение – очень даже равнодушны к саге о Гарри Поттере. Литературоведам – а авторы этих статей исходно не лингвисты, но именно литературоведы – давно пора привыкнуть к мысли, что в смежных дисциплинах существуют (и возникают) методики, позволяющие преодолевать и свою узость, и своё программное «ученое непонимание».

Выводы

Будучи итогом как многолетней исследовательской практики, так и многоплановой методологической рефлексии, теория синтетической языковой личности оказалась шире объекта, к которому была изначально применена и на котором выросла (рок-культура, синтетический текст рока). Применительно к «полно литературы» это означает, что везде, где акцентируется сколько-нибудь нестандартная дискурсивная ситуация, связанная с текстом или автором, мы вправе применить вышеописанную методику, подкрепляя данные социологии литературы и семиотики культуры (при всей своей разработанности ориентированных на типичное, а не индивидуально-стилевое) новой лингвокультурологической характеристикой субъекта (индивидуального или коллективного) по-новому понимаемого текста (в своем синтетизме охватывающего невербальные семиотические дискурсивные зоны, но систематизируемого на более прочных, нежели в традиционной семиотике, основаниях).

Таким образом, теория синтетической языковой личности перспективна и в плане изучения собственно литературных феноменов, так как является хорошим «организатором понимания», позволяющим систематизировать то, что не укладывается в привычные филологические рамки.

Список литературы

1. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22-87.
2. Иванов Д. И. Синтетическая языковая личность в русской рок-культуре: генезис, типология, структура, межкультурные связи. Иваново: ПресСто, 2016. 384 с.
3. Козлов С. Осень филологии [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2011. № 110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/ko3.html> (дата обращения: 21.10.2016).
4. Компаньон А. де. Демон теории. Литература и здравый смысл. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.
5. Крученых А. Стихотворения, поэмы, роман, опера. СПб.: Академический проект, 2001. 480 с.
6. Лакербай Д. Л. Интерпретация поэтического текста: дискурсивность и позиция // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2015. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 1 (15). С. 3-17.
7. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10. 384 с.
8. Тынянов Ю. Н. Промежуток // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 168-195.
9. Ушакин С. «Осень, доползем ли, долетим ли до рассвета?» [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2010. № 110. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/110/u5.html> (дата обращения: 21.10.2016).

THEORY OF SYNTHETIC LANGUAGE PERSONALITY: NEW HORIZONS

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies, People's Republic of China
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

An integrated development of a particular model of a synthetic language personality enabled the authors to carry out a system analysis of the discursive space of different epochs of the Russian rock culture for the first time, to determine the basic principles of its formation and transformations, to specify and describe in a new way the mechanisms of generation of synthetic lyrics, the specificity of its subtextual structure, to offer an original linguistic-culturological methodology of the analysis of a synthetic language personality and its cognitive-pragmatic program, promising for further research. However, the theory itself is applicable to diverse cases of non-standard discursivity, associated with the text or the author: from the program avant-garde exit beyond the text limits into life to an artist-life creator's autobiographical myth.

Key words and phrases: non-standard discursivity; semiotic area; synthetic text; synthetic language personality; cognitive-pragmatic program; interpretation.

УДК 81'373.45

В статье рассматривается влияние американских заимствований на русский язык и на систему ценностных ориентиров этноса. Анализируется роль глобализационных процессов в десемантизации лексики, обозначающей названия современных профессий в сфере торговли. Подчеркивается негативное влияние заимствований на языковую картину мира человека и на образ мира. Делается вывод, что ценности русского этноса на современном этапе подвергаются трансформациям, и по мере освоения англицизмов происходит внедрение иных культурных и духовных ценностей.

Ключевые слова и фразы: заимствования; глобализация; ценности этноса; десемантизация; вестернизация; образ мира.

Казаченко Оксана Васильевна, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
kazachenko_07@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЙ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОГО АМЕРИКАНСКОГО
 КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ПРОФЕССИЙ)**

Современный мир в плане материального производства становится глобальным. Экономика, средства информационных технологий и даже СМИ – вот те сферы человеческой жизнедеятельности, которые, прежде всего, становятся едиными, и этот факт связан с уровнем развития страны (в основном экономическим) и темпами ее научно-технического прогресса. Однако в культурной и духовной сферах наблюдается «разлад». Это может иметь очень серьезные последствия, такие как национальные войны, межэтнические конфликты и даже межцивилизационные столкновения. Потенциальных выходов из сложившейся ситуации два: либо вестернизация всего мира, что мы имплицитно наблюдаем сегодня, либо диалог культур, который подразумевал